Издатель
ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал
Verba
https://verba.petrsu.ru

Выпуск 9 (№), 2025

Главный редактор
И. В. Львова

Редакционная коллегия
И. В. Львова

Адрес редакции
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.
E-mail:verba@petrsu.ru
https://verba.petrsu.ru

© ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет», 2021

Литературный журнал
Verba

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

https://verba.petrsu.ru **https://petrsu.ru**

Критика

Современник со всеми. О прозе Колма Тойбина

ЛИСКОВ Арсений ПетрГУ (Петрозаводск), liskov2000@bk.ru

***

Творчество Колма Тойбина (*Colm Tóibín,* р. 1955), ирландского филолога и романиста, известно российскому читателю ровно десятилетие, начиная с публикации в журнале «Иностранная литература» повести «Завет Марии» (*The Testament of Mary,* 2012; рус. пер. 2014). В последние годы один за другим по-русски выходят созданные им художественные жизнеописания Генри Джеймса (2009; 2024) и Томаса Манна (2021; 2022), романы «Дом имён» (*House of Names*, 2017; 2018), «Бруклин» (*Brooklyn,* 2009; 2017) и его продолжение «Лонг-Айленд» (*Long Island,* 2024). Наконец, в двух номерах «Иностранной литературы» за прошлый год (5, 6, май — июнь) напечатан роман «Пылающий вереск» (*The Heather Blazing*, 1992). Непереведёнными пока остаются роман «Юг» (*The South*, 1990), сборники рассказов Тойбина, литературоведческие труды и книги его мемуаров.

Мировоззрение Тойбина-романиста отмечено повышенным интересом к истории мировой культуры от её полумифической древности до событий бурного XX века: материал самых личных своих сочинений писатель черпает из прошлого человечества, летописей вольнолюбивого ирландского народа и хроник своей семьи. Ощущение сопричастности — несчастьям царского дома Агамемнона, смутным временам родной Ирландской Республики или горю овдовевшей матери – насыщает его прозу гуманистической патетикой, в которой любовное участие пограничено с мрачной усмешкой скептика.

Может статься, в этой «всемирной отзывчивости» и восприимчивости к явлениям и фактам чужой культуры при чутком отношении к национальной истории кроется то, что роднит писателя с русской ментальностью и определяет его тяготение к эпической масштабности; оттого, быть может, эпическая перспектива открывается даже в самых камерных вещах Тойбина.

Осмысление опыта европейской культуры, истории XX века потребовало адекватного метода и ёмкой формы, которую Тойбин отыскал в *мифе*.

Опыт мифотворчества и ремифологизации (то есть обращения к мифу как источнику материала для объяснения современных явлений и выявления общечеловеческих духовных универсалий) известен в мировой литературе прошлого столетия: романы Джеймса Джойса и Томаса Манна, Габриеля Гарсиа Маркеса и Мишеля Турнье воскрешали предания «старины глубокой», необходимые человеку для понимания собственной природы, или создавали новые мифы — мифы XX века.

Так, мифологической основой романа «Дом имён» послужило сказание о гибели Агамемнона, изложенное во множестве античных источников — трагедиях греческих драматургов Эсхила, Софокла, Еврипида.

Троянская война позади. Бессмертный Илион сокрушён, дерзкий, алчный и «псообразный» царь Агамемнон возвращается в родные Микены, где всё минувшее десятилетие ждала его верная супруга — верная своему желанию отомстить мужу за заклание в жертву кровожадным богам их младшей дочери Ифигении. Убийство Агамемнона не только не избавляет царицу от боли, но и запускает цепь ужасающих событий — над всем довлеющий рок, проклятье Атридова имени, воспламеняет Микены – в царстве вспыхивает народная война.

Дарование Тойбина и его глубокая укоренённость в национальной культуре, стремление пересказать узловые события ирландской истории, а значит, постигнуть их смысл, определило содержание романа: повстанческий сюжет в романе, помимо прочего, отражает исторические обстоятельства (и национальные амбиции) той Ирландии, образ которой запечатлён в романах Тойбина «Юг» и «Пылающий вереск», Ирландии, разделённой партийной борьбой и сотрясаемой социальными турбленциями, не утихающей междоусобицей.

Оттого по мере развёртывания повествования авторский фокус перемещается из басилевсовых зал и

коллизии сиятельного семейства в гущу народной жизни. Особой активностью и, следовательно, ролью в движении сюжета писатель наделяет микенских мятежников, жертв «дворцового переворота», детей старейшин и осиротевших земледельцев, а также вводит в сюжет новые, отсутствующие в предании, лица. Таков один из наиболее деятельных участников микенского сопротивления — знатный юноша Леандр. Падение власти Клитемнестры и её любовника Эгиста осуществляется не силами царевича Ореста (согласно мифу, изложенному трагиками), но в результате тщательно продуманной операции под водительством Леандра и содействия Электры.

В заглавии романа сплетено множество значений: «Дом имён» — это и микенский дворец-лабиринт, где каждый обладает именем, но не имеет сущности (где мелькают одни только «тени» мёртвых и «тени» живых); это фамилия, скреплённая кровными узами, ничего не способными удержать и спасти от могущественного рока; это, наконец, устройство памяти – затейливо сплетённого лабиринта, чья необъятная извилистость скрыта в сумраке, сберегающем наш покой. Память – чёрная зияющая пропасть.

Творчество писателя вообще интенсивно питается личным опытом, памятью детства, тем сокровенным, что исподволь формирует человеческую индивидуальность: сюжет «семейного распада», отражённый в «Доме имён», мотивы отчуждения и гложущей тайны («молчания»), сыновней вины и родительской «духовной глухоты» проходит через все художественные тексты Тойбина (см., напр., сборник рассказов *Mothers and sons*, *The Empty Family*, 2006-2011; роман «Нора Вебстер»). Взаимоотношениям внутри семьи Тойбина посвящены сборники эссеистики и мемуаров писателя (*New Ways to Kill Your Mother: Writers and their Families*, 2012), запечатлевшие образ людей, как бы живущих в разных, удобных каждому измерениях и потому неспособных отчётливо «понять другого».

Встреча общечеловеческого и личного, исторически протяжённого и мгновенного происходит в повести «Завет Марии». Ожидания Новых Времён, свершения заповедного Искупления — и неизбывной муки осиротевшей матери, естественной в скорбящем обиды и парализующей горечи, которой нет и не будет конца.

Христос, Богочеловек, страстотерпец, снявший с адамова рода тягло первородного греха, учитель апостолов, Сын Творца и одна из трёх Его Ипостасей, для Марии прежде всего — утраченное дитя, чью священную жертву, предречённую Создателем, она так и не смогла принять:

«*Я не надеялась, что ужасный мрак случившегося когда-нибудь рассеется. Этот мрак — часть меня, он заполняет тело тьмой, как сердце заполняет его кровью. Он — мой спутник, странный товарищ, не дающий мне спать ни ночью, ни утром и не отходящий ни на шаг днем. Он — тяжесть внутри меня, которую временами невозможно вынести. Иногда он немного светлеет, но никогда не исчезает совсем*» (пер. с англ. Е. Ивановой).

Новозаветный сюжет о Христовой жизни послужил источником нескольких шедевров мировой литературы — от ершалаимского романа Булгакова-мастера до «Евангелия от Иисуса» Ж. Сарамаго. В своей интерпретации Тойбин идёт по следам португальца, отступая от канонического представления о личности Сына Божьего и его матери, освещая божественное происхождение Христа, но предпочитая в нём Человеческое.

Человеческое торжествует и в мире «Дома имён» — языческие боги, самодержцы Олимпа изгнаны — и уныние богооставленности чувствуют его жители:

«*Были времена, когда боги являлись поутру будить нас, когда расчесывали нам волосы, и насыщали наши рты сладостью речи, и прислушивались к нашим желаниям, пытались исполнить их, когда читали наши мысли и умели подавать знаки...*» (пер. с англ. Ш. Мартыновой).

Осознание зыбкости земной жизни, неявного, ускользающего присутствия Божественного, мотив растущей глухоты человека принадлежат к экзистенциальным константам тойбиновского мировоззрения и его прозы.

Другой постоянной творчества Тойбина, объединяющей его тексты, является сюжет поиска и обретения идентичности, прежде всего национального, а значит, культурного, языкового, исторического самоопределения; в романах писателя этот сюжет расширяется, обращается в метасюжет скитания, возвращающий нас к фигуре Одиссея, к архетипу странника.

Скитальческий сюжет в новейшей истории ирландского народа заключает своеобразную травму: в XX веке потоки мигрантов, оставляющих европейскую часть ойкумены в поисках лучшей жизни, устремились через Атлантический океан к американскому континенту, к знаменитому острову Эллис. Этот мрачный опыт «великого перемещения», менявший ирландскую картину мира, менталитет народа, повлиял и на творческое

самосознание крупнейших ирландских писателей — от Джеймса Джойса и Сэмюэля Беккета, окончивших жизнь в далёкой чужбине, до Джона Бэнвилла (род. 1945) и Бернарда Маклаверти (род. 1942), авторов новейшей ирландской прозы.

Тойбин в этом ряду не исключение.

Кризис идентичности в Новом Свете переживает Эйлиш, героиня романа «Бруклин», вынужденная покинуть родной Эннискорти (в этом городке вырос писатель), открывающая огромный и шумный мир за пределами околотка, знакомого и милого с детства. Обретая будущее, Эйлиш теряет прошлое, ту подножную твердь, без которой человек оказывается покорной и невесомой щепой.

В годы исторических брожений великую Германию, подарившую человечеству гении Гёте, Вагнера и Ницше, покидает и уже не надеется в неё возвратиться автор «Будденброков» и «Волшебной горы» Томас Манн. Жизнь скитальцев, которой обречено семейство Маннов-изгнанников, трагична и для любекского бюргера, и для недавних повес, которым ещё вчера весь мир представлялся отечеством, Клауса и Эрики, непослушных детей, возможно, величайшего из немецких писателей, мудрого «волшебника» и хранителя тайн. В точности такой же неопределённостью отмечено самосознание Генри Джеймса, ирландца по крови, американца по паспорту и англичанина по духу.

Воспоминание образует стержень каждого романа писателя — упорное развёртывание, вскапывание, захватывающее всё новые и новые слои, вспучинивающее глубоко схоронённые залежи.

Ландшафт романов Тойбина не отделим от пейзажей скалистого атлантического взморья. Героев и тяготит, и манит это хищное и непреложное могущество морской стихии. Так, огромную силу и холодную безучастность Атлантики осязает Нора Вебстер, возвращаясь в опустевший и ненужный коттедж – ненужный без мужа и невозможного счастья. Имон, герой романа «Пылающий вереск», год от года наблюдает, как, по удачному шекспировскому определению, «*пядь за пядью у прибрежных скал / Захватывает землю зыбь морская..*» Как исчезают в атлантических волнах скалистые отломы, деревья, неверные песчаные отмели, дома и сады, а с ними чьи-то судьбы — ущерб земли отмечает в памяти Имона вешки его жизни.

Вслед за поэтом каждый из героев Тойбина мыслит: «..*утраты все приходят мне на ум, / И старой болью я болею снова*» (перевод с англ. С. Я. Маршака).

О неизбежности утраты напоминает образ Дома в романе «Пылающий вереск», Дома, уходящего вместе с оползнями, нетвёрдо стоящего на рыхлой, обманчивой земле, малым оплотом памяти, семейственной и личной, родовой и частной, на краю света, возле прихотливого моря. Дома без одной стены, открытого чуждому взору, а значит, мёртвого. Пустого, занятого внешней жизнью, природой, обездушенного, как нагой человеческий остов.

Память освободительной борьбы ирландцев за независимость от британской короны у Тойбина, как и у всякого классика национальной ирландской словесности, принадлежат к области священного — к области *предания*, складывающегося поколениях жизнеописания нации. Для Имона, дублинского судьи, консерватора и традиционалиста, в предании заключена живая память, в преданиях слагается история его семьи, рода. И когда родные один за другим уходят, остаются воспоминания о первом военном Рождестве, о первой любви, о подвигах отцов и причастности к большому общему делу.

Автор неспешной, скупой на события, не по времени многословной и раздумчивой прозы, Тойбин одержим феноменом забвения и памяти почти столько же, как другой юбиляр года — французский прозаик Патрик Модиано (род. 1945), сделавший воспоминание ключевым сюжетом своего творчества. Величайшая спешка, истощившая мир, опутавшая человека ложными ценностями, бегущая жизнь, в которой нечего и некогда припоминать, в которой незачем помнить, принадлежит к врагам человека, пособникам его главного антагониста.

Может статься, тем и объясняется исключительные тщательность и пристрастность, с которыми Тойбин описывает процессы тления, увядания и распада — желанием описать непреложность времени, его хищническую жестокость и чудовищный эстетизм, которые в сущности своей понятны писателю, подобны его дарованию — творящему, отнимающему, властному и бессильному перед логикой им же созданного мира?.. Оттого романы писателя населяют призраки – «имена», тени не бывшего, а его герои так часто и подолгу сетуют на свои ошибки?

Долгая жизнь «Волшебника» Манна оставила по себе множество загадок — и Колм Тойбин со всей любовью и всей беспощадностью своего таланта исследует эту «жгучую тайну», лукавую недосказанность, приоткрытую было в последнем романе Манна «Признания авантюриста Феликса Круля», спрятанное в шутку альтер-эго.

Подобно герою знаменитой тетралогии, романа-мифа «Иосиф и его братья», тень писателя проходит испытания своего века в поисках утраченного Дома. В поисках вожделенного Покоя.

Таким же мистификатором – искусным похитителем историй написан Генри Джеймс, раскладывающий наедине со своим прошлым траектории непрожитых жизней, трезвым судом, по гамбургскому счёту резюмирующий удачи и промахи своей судьбы.

Недаром американский классик Джон Апдайк, рецензируя роман о Джеймсе, уподобил его толстовской эпопее и «Камо грядеши?» Г. Сенкевича: художник — лицо своего века, и век художника — его душа. Так имя Генри Джеймса неотлучно связано с началом европейского модернизма, а творчество Томаса Манна знаменует его кульминацию.

Наконец, один из ключевых сюжетов тойбиновской прозы представляет раскрытие *феноменологии творчества*, становления писателя и его взаимоотношений с миром подлинности, фантазии и мифа.

Хитросплетения мысли художника, прихотливый путь замысла от идеи к одушевлённой странице Тойбин раскрывает в романах о писателях. Порой источником шедевров оказываются невыносимые страдания — так многолетнее ваяние прекрасной жемчужины избавляет от боли, причиняемой устрице песчаным зерном. Писатель, как этот моллюск, не кричит о своей муке — он рассказывает её. В образах и умолчаниях.

Однако механизмы творчества многообразны, как многообразен замысел Творца, формы его воплощения.

Естественность и безгрешность детства, ребёнок как образ абсолютной душевной чистоты завораживает Генри Джеймса, служителя «чистого искусства», искателя покоя и гонителя страстей. В юности, отражающей райскую невинность первых людей, черпает силы Томас Манн. Молодость и красота в мире писателя напоминают об исконном и навсегда утраченном состоянии *блаженности*, возможном в Небесном Царстве и вряд ли мыслимом в царстве кесаря.

Брошенный в этот мир и наделённый сверхъестественной чуткостью к его проявлениям, писатель всматривается в него, ищет Бога, Цели и Причины. Ведь искусство писателя заключатся не только в мастерстве рассказывания, но и в глубине постижения большой Истории, грандиозного повествования, обнимающего и объясняющего жизнь человечества и отдельного человека. С перспективой Вечности.

Этот поиск ведёт странника без компаса в его путешествии. К этому поиску — путешествию в самих себя и в мириады миров — нас приглашает ирландский классик, добрый профессор и безжалостный сказочник Колм Тойбин.

В конечном итоге, одарённый писатель — странник и гость, сын и пасынок, живущий свою эпоху и наблюдающий её вчуже, способный осмыслить душу «маленького человека» и гениальную личность, увидеть, как в каждом отражается облик вечно меняющейся и в том неизменной Вселенной, — он всем и каждому — современник.